

Марина Белова

Капкан для наследницы

Глава 1

Упаси вас бог поднимать потерянный кем-то кошелек, играть в беспроигрышную лотерею или поверить в то, что вы сотый, тысячный или миллионный покупатель. Бойтесь данайцев, дары приносящих.

Но так устроен наш человек — подбирать неприятности с ровного места. Вот он стоит в сторонке ящик Пандоры, никому не мешает. Ну пройди мимо! Нет, обязательно нужно засунуть туда свой любопытный нос! Обязательно нужно открыть крышку, чтобы посыпались на твою голову всяческие беды и напасти.

Вообще-то я о себе. Может, кто-то и поленился бы открыть этот самый ящик или вовремя опомнился — нельзя трогать чужие вещи, — но я не смогла устоять перед искушением и... не один раз об этом пожалела.

Приглашение посетить международный студенческий туристический лагерь «Юность» пришло неожиданно-негаданно. Доставая газеты из почтового ящика, я даже не сразу обратила внимание на конверт. Обычный конверт, внутри

открытка с типографским текстом. Меня приглашали принять участие в праздновании тридцатилетия со дня открытия лагеря. Почему именно меня приглашали, я как-то совершенно не задумалась, но обрадовалась. Приятно, когда о тебе не забывают и приглашают, да куда угодно — хоть на презентацию нового магазина, хоть на чьи-то именины. Вообще-то я домохозяйка, и любой выход в люди для меня праздник. А тут такое дело: предлагали поездку в замечательное место.

Я себя не уговаривала, сразу решила: еду. «У меня есть сто поводов принять приглашение и ни одной причины, чтобы от него отказаться», — так подумала я.

Во-первых, Крым — это изумительная природа, чистый воздух, при желании можно съездить к морю. Кто откажется?

Во-вторых, все расходы за время трехдневного пребывания в лагере плюс трансферт брала на себя приглашающая сторона.

В-третьих, много лет назад, будучи студенткой, я там отдыхала, и незабываемые воспоминания периодически всплывали в моей памяти. Ну правильно, как я могла такое упустить из виду! Сама же всех уговаривала не забывать друг друга и раз в пять-десять лет встречаться. Правда, с тех далеких времен я так ни разу и не

появилась в лагере. Десять лет назад группа встречалась, но без меня. У меня была более чем уважительная причина: моей дочери минул месяц, и мне с малышкой было не до поездок. Но теперь дочь моя самостоятельная барышня и гостит у тетки в Белоруссии. Других малых детей у меня нет, и дома ничто не держит.

Но самое главное — имею я право отвлечься от рутинных домашних дел? И так по уши погрязла в быту! Тем более что сам бог велел мне удрать из дома именно сейчас. Муж мой, Олег, через два дня улетает в Венгрию для подписания очередного контракта. Уж там-то он за мной тосковать не будет, развлечения ему партнеры предоставят в изобилии: рестораны, казино, выставки, презентации и многое другое, чем мужчины скрашивают свой досуг.

Мог бы, конечно, и меня взять. Но, как говорится, в Тулу со своим самоваром не ездят. А раз не берет, я сама найду куда поехать. Собственно, уже нашла! Очень кстати пришло это приглашение! До конца лета осталось всего две недели, грех было бы не использовать последние теплые денечки.

Решено! Домашних животных определю по знакомым, ключи на случай пожара и потопа отдам соседям. И вот я — вольная птица! Мужа провожу, а сама в противоположную сторону, в

Крым.

Некоторые сомнения, конечно, были. Почему мои друзья прислали такое официальное приглашение? Могли бы подписаться своими именами. Но потом я поняла: это — сюрприз, чтобы я оценила в полной мере свою значимость.

Настроение у меня было отличное. Я уже представляла южное солнце, голубое небо, синее море и яркую зелень реликтовых сосен. А на фоне всего этого великолепия толпу поклонников, готовых в сию минуту пасть к моим ногам.

Но всегда найдется ложка дегтя к бочке с медом. Этой ложкой как раз и оказался мой супруг. Стоило ему появиться на пороге, как я с радостным воплем бросилась навстречу:

— Олег, меня пригласили на юбилей! Три дня в Крыму — солнце, горы, сосны! Как здорово! Я счастлива!

— Не понял, чему ты радуешься? И почему ты еще не одета? Мы не идем в гости к твоей подруге?

Я протянула Олегу приглашение. Он повертел открытку в руках и с состраданием посмотрел на меня.

— Понимаешь, это поездка в прошлое, в юность, в те незабываемые дни, когда... — Я заметила недовольное выражение его лица и осеклась. — Скажи, разве плохо встретиться со

старыми друзьями, поболтать о былом, вспомнить беззаботные деньки? «Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли», — от избытка чувств запела я.

— Вот как раз сейчас ты и несешь чушь. Не думал, что ты такая сентиментальная. Ты, Марина, как маленькая наивная... девочка. — Олег спустил меня на землю. Уверена, слово «дурочка» он в последний момент заменил на «девочку». — Здесь за версту несет аферой. В первый раз слышу, чтобы проводились подобные мероприятия. Никому не придет в голову собрать всех детей когда-либо отдохавших, скажем, в «Артеке». Почему же какой-то заурядный лагерь устраивает шаровый банкет? Допускаю, это рекламный трюк, дабы заманить постояльцев. Но кто ты такая, чтобы тебя там помнили? Ты кинозвезда, олимпийская чемпионка, политический деятель? Или, может, ты учинила там пьяную драку или свистнула лагерный сейф? Но в этом случае я бы тебя не приглашал.

— Почему сразу нужно меня оскорблять и портить настроение. Никакая я не наивная дурочка, ведь именно это ты хотел сказать. В приглашении указан номер телефона лагеря. Не переживай, я связалась с администрацией. — Конечно, я только собиралась позвонить, но для убедительности соврала. — В администрации

лагеря мне пояснили: они рассылали приглашения только тем, кто отдыхал десять, двадцать и тридцать лет назад. Что тут непонятного? А адреса хранились в архиве. А если учесть, что не все живут на одном месте дольше двадцати лет, то соберется не так уж и много людей. Согласись, женщины тоже могут рассуждать логически.

— Что ты зацепилась за это приглашение? Не нравится мне эта авантюра с поездкой!

Ты устала? Хочешь отдохнуть? Давай возьмем тебе путевку в приличное место? Отдохнешь. А это приглашение... Ты ведь знаешь, бесплатный сыр только в мышеловке. Ерунда какая-то! Они приглашают тебя за свой счет! Ну просто бред! Не хочешь по путевке ехать, займись домом, собой, походи по магазинам. Короче, придумай что-то полезное для души и сердца. А я вернусь, поедem за Аней к Серафиме.

Должна пояснить, Аня — наша дочь, а Серафима — моя тетка, у которой в собственности отличный домик в дачном поселке недалеко от Минска. Мы каждый год приезжаем к ней и проводим там несколько недель своего отпуска.

— Глупость какая-то! Кому рассказать, не поверят! Это же надо, что надумала! Польстилась на дешевку.

Мой муж разошелся не на шутку, он говорил, говорил... Аргументы не в пользу моей поездки

сыпались как из рога изобилия. Причем он выставлял меня «недалекой» скрягой, для которой бесплатная поездка в заштатный туристический лагерь куда лучше курортов Испании или Турции.

Я обиделась на Олега и надолго замолчала. Оказывается, он планировал мне совершенно иной досуг, а я, видите ли, разочаровала его своей мелочностью. Вообще, любимый девиз моего мужа: «Я лучше знаю, как тебе лучше». Изумительная формулировка, достойная книги «Крылатые выражения». Но вот досада, это «самое лучшее» я не всегда улавливаю, во всяком случае, с первого раза, что его бесит чрезвычайно.

Мы еще долго дулись друг на друга, и я уже стала подумывать, а не отказаться ли мне от Алининых именин и не остаться ли дома. Но обидеть подругу я не рискнула и, несмотря на испорченное настроение, решила все же идти.

И вот в состоянии семейного раздора мы появились на пороге дома семьи Блиновых. Алина Блинова — моя близкая подруга, мы с ней дружим страшно сказать сколько лет. Все годы моего супружества она составляет здоровую конкуренцию Олегу в плане влияния на меня.

Не могу сказать, что он ее сильно любит. Скорее даже наоборот — временами ненавидит. Да и как можно любить тех, кто посягается на твою собственность. А ведь мужчины именно так

оценивают женщину по отношению к себе. Им нравятся тихие, домашние жены, а в компании с Алиной я постоянно попадаю в различные истории.

Последняя такая история привела меня к безработице. По рекомендации Олега я устроилась на работу в одну престижную фирму, и мне, в общем, нравилось там трудиться, пока мы с Алиной не попали в очередную переделку.

Два года назад я подарила Саньке, Алининому сыну, чудесного котенка британской породы. Серый с желтыми глазами он сразу полюбился своим хозяевам. Назвали его немудрено — Мурзиком. Котик быстро вырос и превратился в любвеобильного кота. Не дожидаясь марта, он гулял сутками напролет, изредка забегая поесть свой любимый «Вискас» и погреть лапы перед радиатором. Но после очередного загула он не вернулся.

В доме траур: ребенок рыдает, муж привык к коту, Алина вообще не мыслит своего существования без Мурзика. И вот недели через три после пропажи соседские дети донесли Саньке весть, якобы Мурзика похитила женщина из дома напротив и держит его в своей квартире. Санька в тот же вечер пересказал ребячий разговор матери, и, недолго думая, Алина позвонила мне с уже готовым планом действия.

— Ты представляешь! Посягнуть на самое святое! На моего котика! Да он для меня что родной ребенок, — возмущалась подруга, не давая мне вставить ни единого слова в свой монолог. — Марина, мы за него будем бороться до последнего волоска, до последней шерстинки. Мы вернем его в родные пенаты. Мы накажем эту наглую тетку, позарившуюся на нашего котика, моего любимого Мурзика.

— Алина, уточни. Мы — это кто? И кто позарился на твое сокровище? — удалось мне вклиниться в ее речь, но я все еще не понимала, какую мысль она хочет донести до меня.

— Мы — это ты и я! — гордо изрекла Алина и ввела меня в курс дела.

Да уж, ошастливила!

— И как же мы будем его отвоевывать, — поинтересовалась я.

— Очень просто! Завтра мы прошерстим каждую квартиру этого дома в поисках Мурзика. Прикинемся врачами из ветлечебницы и определим, в какой квартире прячут нашего кота. А там будем действовать по обстоятельствам.

— Алина, я завтра не могу. У Ани гимнастика. — Я попыталась откеститься от сомнительной затеи.

— Так уйди раньше с работы. Я, может, не доживу до послезавтра, умру, не увидев своего

котика, а ты торгуешься, — заняла шантажистка и, чтобы пресечь мои отговорки, стала со мной прощаться: — Все, пока, завтра в три я тебя жду!

На следующий день мне пришлось идти к начальнику отпрашиваться с работы:

— Юрий Саныч, я могу сегодня уйти пораньше? Мне нужно к врачу.

— К какому врачу? — спросил дотошный Юрий Александрович.

Вот ведь бестактность!

— К гинекологу, — ответила я в надежде, что он прекратит свои расспросы.

— Хорошо, Клюквина, — смутился мой шеф, — иди, только завтра не опаздывай, работы невпроворот.

— Спасибо, Юрий Саныч, — поблагодарила я и пулей вылетела из кабинета, не дожидаясь, когда шеф начнет зачитывать весь перечень работ отдела.

Из офиса я сразу поехала к Алине — чем раньше начнешь это мероприятие, тем больше вероятность побыстрее его закончить.

— Алина, на все про все у меня три часа. В шесть мне нужно быть с ребенком в спортзале. Ты можешь на меня рассчитывать только до половины шестого.

— Успеем, если поторопимся. Давай сейчас распределим роли. Ты ветврач и будешь вести

беседу, а я медсестра, то есть ветсестра. Я так волнуюсь, так волнуюсь, что, боюсь, заикаться начну, так что говорить в основном будешь ты. Вот возьми флакон с пипеткой, это у нас будет вакцина против кошачьего бешенства. — Она протянула мне бутылочку из-под капель от насморка.

— Алина, а что в бутылочке? — поинтересовалась я, разглядывая прозрачную жидкость.

— Вода, обычная вода.

— Обычная вода? А нас не раскусят?

— Не раскусят, смотри на этикетку, лекарство было импортное, привезенное из ОАЭ, в наших аптеках его не встретишь. И к тому же не все, я бы даже сказала, почти все не понимают арабский язык. Как раз вчера капли закончились, и я в пузырек налила воду. Для непросвещенной публики сойдет! Или ты хотела, чтобы я травила животных настоящими лекарствами?

— Да нет, — неуверенно ответила я. — Не хотела бы.

— Тогда все! С богом! — скомандовала Алина. Для полного соответствия медсестре она схватила амбарную книгу под мышку, и мы пошли отбивать нашего котика.

Далеко идти не пришлось, нужный нам дом располагался аккуратно через дорогу. Это была

свечка-многоэтажка с одним подъездом. Меня это очень устраивало: всего один подъезд. Мы решили начать поиски с верхнего этажа.

Алина волновалась неимоверно, трясущимися руками она передала мне корочку члена общества защиты животных.

— На, возьми на всякий случай, если попросят документ.

— Откуда это у тебя? — спросила я, рассматривая красную корочку.

— Да Санька из школы приволок, их всем классом записали, чтобы потом взносы было с кого собирать. А нам сгодится, книжечка красненькая, и слово ключевое золотыми буквами нанесено — «животные».

Я взяла книжечку в руку и позвонила в дверь. За дверью послышалось шарканье, через секунду кто-то скрипучим голосом спросил:

— Кто там?

— Ветнадзор, бабушка. Кошки в квартире есть?

Дверь отворилась, и на пороге показалась бабушка — божий одуванчик.

— Кошки? Кошки есть. А вам они зачем?

Я сунула бабульке под нос корочку общества охраны животных.

— Из ветеринарной клиники мы. Сейчас в городе эпидемия кошачьего бешенства,

приходится ходить по квартирам, прививать животных — это единственный шанс выжить вашему любимцу. Если подхватит ваш кот заразу, скончается в течение суток, а привитое животное, может, и пронесет, не заболит. Несите, бабушка, вашу кошку, закапаем ей в пасть живую вакцину.

— Так, поди, это денег стоит, а у меня заплатить нечем. Пенсию только через неделю принесут, — заскандулила бабка.

— Не переживайте, прививка бесплатная, за счет общества защиты животных.

Обрадованная старушка крикнула: «Кис-кис» в глубь квартиры, и вскоре у ее ног терлись три разноцветные кошки дворовой породы.

Алина вздохнула и разочарованно что-то намалевала в амбарной книге, а я из пипетки накапала в пасти упирающимся кошкам воду, пришлось каждую хватать за шею и насильно задирать ей морду.

Так мы прошли пять этажей. Жильцы, не спрашивая удостоверений, смело открывали нам двери и тащили на вакцинацию свое зверье. Кошек в подъезде обитало превеликое множество, капли наши заканчивались, а Мурзика мы так пока и не увидели. Алина скисала на глазах. Энтузиазма оставалось все меньше и меньше. Я уже подумывала, что Саньку просто обманули приятели и никакая тетка, укравшая нашего кота, в

этом доме не живет.

Только ради Алины я неохотно позвонила в очередную квартиру. Нам открыла ухоженная дама средних лет, я выпалила заученную фразу про кошачье бешенство и приготовилась закапать последние капли на тот случай, если кошка в этом доме имеется.

— Да, у нас — Мурочка. Проходите, пожалуйста, в прихожую. — Она предложила нам войти, а сама пошла за животным.

Мы переминались с ноги на ногу, когда хозяйка вернулась с котом на руках.

Серая мутоновая шубка, огромные желтые глаза. Ну, скажите, как можно было не узнать нашего Мурзика! У Алины сдали нервы, и она с криком: «Мурзик, сынок!» — бросилась на женщину. Та отстранилась, закрыла своим телом кота и с обидой сказала:

— Никакой это не Мурзик! Это моя Мурочка!

Но Алину ее реплика не остановила. В состоянии аффекта, с воплем: «Отдай кота, воровка!» — она теснила женщину к стене. Хозяйка квартиры в недоумении попыталась укрыться в комнате, но это ей не удалось. Алина как коршун настигла ее и, схватив кота за передние лапы, начала тянуть на себя.

— Мой Мурзик!

Хозяйка тоже старалась отбить животное, тянула его за задние лапы.

— Моя Мурочка!

Мурзик-Мурочка истошно орал и царапался передними и задними лапами. От его когтей доставалось и Алине, и владелице. Ни одна, ни другая не сдавались и с криками: «Моя, мой» тянули кота в разные стороны.

Я не могу вообразить, чем эта сцена могла бы закончиться. Скорей всего они бы разорвали животное пополам, только в кульминационный момент раздался строгий возглас:

— Что здесь происходит?

Я обернулась на знакомый голос. На пороге стоял мой начальник, Юрий Александрович. О ужас! В полной неожиданности его здесь увидеть я прикрылась амбарной книгой, авось не узнает.

— Ветнадзор хочет отобрать нашу Мурочку! — завопила хозяйка, не выпуская из рук заднюю половину кота.

— Это наш кот! — орала Алина и тоже не выпускала кошачьи лапы из своих рук.

— Ключвина, а вы уже в ветнадзоре работаете? С каких это пор? С завтрашнего дня или, может, с сегодняшнего? — ехидно поинтересовался Юрий Саныч.

— Пусть кота вернет! — не унималась Алина.

— Да кошка это, кошка! Можете сами убедиться! — сказал Юрий Саныч и отобрал животное у обезумевших женщин. — Вот, пожалуйста, смотрите! Надеюсь, вы можете отличить кота от кошки.

К великому сожалению Алины, это действительно была кошка.

— Кошка? — хором спросили мы. — Как же так? Он ведь был котом!

— Да, кошка, и никогда она котом не была. Может, вы объясните, что здесь происходит?

Алина от досады расплакалась и попыталась рассказать, как все было, но у нее получилось совсем неубедительно. Я думала, что сгорю со стыда, потому как нормальный человек вряд ли поверит тому, что весь этот спектакль мы затеяли исключительно из любви к Мурзику.

Нам ничего не оставалось, как принести свои извинения и поскорее убраться из квартиры Юрия Саныча. К остальным жильцам этого дома мы заходить не стали, настроение было безнадежно испорчено, назавтра мне предстоял разговор с начальником, и ничего хорошего он не сулил.

Юрий Саныч не захотел держать у себя «аферистку», очевидно, его супруга в красках расписала наш с Алиной визит, больше напоминавший разбой, а в моих объяснениях он не нуждался. Я впала в немилость, и мне пришлось

уволиться с работы по собственному желанию.

Олег негодовал сверх меры и во всем корил Алину, но и с меня вины не снимал. На моей карьере был поставлен жирный крест. Со словами: «Будешь сидеть дома, воспитывать ребенка», — Олег отобрал у меня трудовую книжку и теперь даже слышать ничего не хочет о моей работе.

Вы уже догадались: в нашей семье царит патриархат. В разумных пределах, как я считаю, хотя муж утверждает, что контроль с его стороны должен быть полным. Я не против, пусть себе так считает. Мне кажется, всегда выгодней подвести мужчину к определенной мысли, чем навязать ему ее насильно. Зачем развивать в мужчинах лишние комплексы? У них и так их предостаточно. Поэтому я никогда с Олегом не спорю, если, конечно, это не идет в ущерб интересам семьи и моим личным. А бывает это достаточно редко.

Алина же другого мнения. По природе она феминистка, по профессии — юрист, а работает в обществе по защите прав потребителей. Что в совокупности это дает, можете себе представить. Кто-кто, а она все знает о женских правах и привилегиях. Стала бы адвокатом — цены бы ей не было.

Ее точка зрения — меня поработили, и я нуждаюсь в помощи извне, а если конкретно, в ее помощи. Так и называет меня «жертвой

патриархального домашнего насилия». Я же чувствую себя в этой ситуации меж двух огней: и подругу не хочется терять, и с мужем мне очень уютно, не муж, а каменная стена, поэтому действую по принципу: «А Васька слушает да ест».

Алина уже два последних года не празднует свои дни рождения, зато именины отмечает с завидной регулярностью, по нескольку раз в год. Обряд крещения она принимала в зрелом возрасте и имя подбирала себе сама исключительно из соображений — почаще быть в центре внимания. Батюшку Алина уговорила окрестить ее Лукианой, уж не знаю, что ей в голову взбрело и где поп нашел в святцах это имя, но без солидного пожертвования в церковную кассу, я думаю, не обошлось. Теперь она чествует и Лукьяну, и Лукерью, и еще пару созвучных имен. Итого на год выпадает порядка пяти именин. Получается, нашу Алину охраняет целый взвод ангелов.

На очередные именины тебя приглашают заранее, как на юбилей. Сам ужин или обед, обставляется с такой помпезностью, что гости находятся в состоянии полного недоумения. Что все же они празднуют: именины, серебряную свадьбу или юбилей хозяйки? И если юбилей, то какой? В такие дни на Алину сыпется великое множество подарков.

Правда, после того как я намекнула подруге, что все думают, будто она празднует очередное, не первое свое пятидесятилетие (тогда как на самом деле ей нет еще сорока), она стала вести себя намного скромнее.

Но что-то я слишком отвлеклась, вернемся к нашим баранам.

Глава 2

Итак, в состоянии семейного раздора мы с Олегом появились на очередных Алининых именинах. В этот раз подруга ограничилась скромной компанией в моем лице и лице моего супруга. Итого, вместе с Алининым мужем за столом нас оказалось четверо. На таких мероприятиях столь малое количество гостей — явление достаточно редкое, обычно собирается куда больше народа.

После сытного ужина, немного захмелев, Олег начал на меня жаловаться Алине:

— Ну, скажи, Луша, — так он иногда величает Алину, когда хочет переманить на свою сторону. — Зачем ей туда надо? Не понимаю я вашей женской логики, муж уезжает в командировку, так используй с толком время: отдохни, навести подруг, к себе пригласи, сходи в театр, на концерт какой-нибудь знаменитости,

просто побездельничай. Ну, зачем ей туда ехать? — Олег с пафосом повторил свой вопрос и сделал такое многострадальное лицо, что я вмиг прочувствовала все свое несоответствие идеалам жены, подруги, матери его ребенка и просто женщины.

— Как зачем? Развлекся, проветриться, стряхнуть с себя нафталин! Завести пару романов под жарким южным солнцем. — Алина не поняла, что он от нее хочет услышать, неудачно пошутила и тем самым подлила масла в огонь.

Эффект был достигнут, Олег так поперхнулся, что нам с Алиной пришлось колотить его по спине в четыре руки.

— Как ты можешь, так говорить? — прохрипел мой муж, задыхаясь.

— А что, девочка она уже большая, пора, пока не поздно, совершить нечто, о чем и вспомнить на досуге будет не стыдно. Почти сорок лет женщине, а у нее одни дети и муж на уме! Сколько ей еще осталось? Через два года в старуху превратится! — Алина вошла в раж, ей всегда нравилось доводить моего мужа до белого каления.

То ли спьяну, то ли он чем-то ей насолил, только разошлась она не на шутку. Услышав Алинин бред, я рассердилась. Что она про возраст мелет? Подруга, называется! Забыла, что ей

столько же лет?! Да и до старухи мне далеко, я прекрасно выгляжу.

— Какая старуха? — поддержал меня Олег. Вот спасибо, я с восхищением посмотрела в его сторону. — Да она выглядит на пять лет моложе своих сверстниц!

Ну, это он явно поскромничал. Я выгляжу моложе лет на семь, а может, и больше.

— погоди, Олег, ты именно поэтому не хочешь отпускать свою жену, боишься, что на нее слетятся мужики, как пчелы на мед? Что, ревность заела? — как змея-искусительница долбила Алина моего мужа, — Ты что же, не доверяешь ей?

— Боже упаси! Жена Цезаря должна быть выше подозрений!

Да, самомнение у моего мужа на самом высоком уровне. Что есть, то есть! Хотя, по-моему, он неправильно трактует эту фразу. Так говорят, когда хотят заменить жену и ищут тому причину, пусть даже мнимую. Но он, я-то знаю, он хотел сказать нечто иное. Кому ж доверять, как не мне!

— Просто я очень волнуюсь за нее! — пояснил Олег. — Я не знаю, как она доберется. Встретят ее, не встретят? В каком состоянии там номера? Ты ведь знаешь, в каких условиях она привыкла отдыхать? Моя жена просто вымрет без горячей воды.

— Ой, ой, ой! Можно подумать! Тебя послушать, так ты женился на наследнице престола. Где же ты нашел такую принцессу на горошине? А если серьезно, ведь жила она раньше как-то до тебя и не пропадала без твоего чуткого руководства! И поверь, не пропадет и сейчас!

— Но Марина совершенно не приспособлена к самостоятельности. По магазинам она ходит исключительно для развлечения. В руках больше трех килограммов отродясь не держала. Она даже не знает, где покупают билеты на поезд или на самолет. Согласен, она не всегда была такая беспомощная, и это моя вина или заслуга, что я сделал ее такой.

В этом месте по сценарию я должна была бы поблагодарить за неимоверно благополучные условия моей жизни и с криком броситься на шею: «Спасибо, милый». Но перебивать Олега я не стала, уж больно много о себе услышала. Интересно, что он еще скажет?

— Мне и нести за нее ответственность, — со вздохом закончил свою мысль мой муж. А я подумала: «Неужели я такой уж тяжкий крест?»

— Ха, билет она не знает где купить! — наигранно засмеялась Алина. — Не переживай, знает! Все дети читали нетленное произведение Маршака про Рассеянного с улицы Бассейной, а она у нас дама начитанная. Так вот, там ясно

сказано: билет покупается в кассе. А кассы сейчас на каждом углу, даже в супермаркетах. Да, без шуток, за твои деньги она купит участок Луны. Не драматизируй, побереги нервы! Может, ей, конечно, выгодно выглядеть полной идиоткой, этакой фарфоровой куколкой, с которой даже пыль стирают бархатной тряпочкой, но, на мой взгляд, она выбрала себе не совсем удачный имидж, и самое время изменить о себе мнение. Пусть едет.

Алина отвернулась от Олега и перекинулась на меня.

— Плывешь по течению в семейной лодочке за мужчиной спиной и не видишь, что вокруг делается. В наш век женщины в карьере достигают таких высот, что иным мужикам и не снилось. С твоим образованием ты вполне смогла бы занять достойное в обществе место. Ты меня слышишь? Что сидишь, как истукан на именинах? Это, кстати, мои именины. Скажи что-нибудь в свое оправдание! — Алина выразительно покосилась в мою сторону.

Да... Сейчас в ней умер не адвокат, а государственный обвинитель, прокурор. Надо же, какой сыр-бор разгорелся вокруг моей персоны!

— Что я могу сказать? Имидж ничто, жажда — все. — Я так разволновалась, услышав о себе столько гадостей, что заговорила рекламным слоганом. В тот момент ничего другого в голову

не пришло. И Олег, и Алина молча смотрели на меня. Я налила себе до верха бокал шампанского и только после того, как его осушила, начала защищаться: — Не пойму, где я сейчас нахожусь? Это что, открытый судебный процесс? Вам поговорить больше не о ком? Вы что, сговорились меня обижать? Это ж надо, до чего докатились! Один меня выставил парализованной, без него я шагу ступить не могу, другая — идиоткой. Каждый считает своим долгом воспитывать и поучать меня. В ваших глазах я некое нерадивое создание, достойное сожаления, что вообще родилась. Даже ты, Олег, не рад тому, что окружил меня заботой и вниманием. Пожалел! Спихватился! Как ты говоришь, напрочь убил во мне всякую самостоятельность? Кстати сказать, я вполне заслуживаю и заботы, и внимания! Трех килограммов в руках я не держала? Да на моих плечах дом держится! Я создала такую атмосферу, что тебе после работы домой не то что идти, бежать хочется. Или я ошибаюсь? Попробуй только сказать обратное! Ты дня прожить без меня не можешь! И попробуй что-то возразить! Забыл, как таскал нас с Анютой по командировкам? И дело здесь не в ревности, а в стойкой привязанности! И не бойся в этом признаться!

Во мне как будто проснулся другой человек. Обида вывела меня из анабиоза. Энергия,

копившаяся долгие годы, выплеснулась наружу. Я даже поднялась из-за стола и стала театрально размахивать руками, показывая то на недостойного предателя-мужа, то на изменницу-подругу. Говорила я вполне убедительно и не заметила, как перешла на крик, потом, очнувшись, перевела дух.

— О! Валаамова ослица! Заговорила на старости лет, — воспользовавшись паузой, влезла со своей репликой Алина. Лучше бы она этого не делала.

— Я ослица? Безропотное существо, которым все пользуются? А ты, дорогая подруга, не задумывалась над тем, почему, когда хандришь, не ищешь себе психоаналитика, а кидаешься ко мне? Денег жалко? Вот-вот, пользуешься моими «свободными ушами». Кто, как не я, остужает твой революционный пыл и мирит тебя с твоим супругом, которого ты бросаешь у пустого холодильника? Другие бы оценили, а вы... — Я несколько сбавила обороты, сделала для выразительности паузу, а затем снова заговорила: — Вы меня расстроили, поэтому я просто хочу уехать на три, может, на пять дней и отдохнуть от всех вас. И не надо никаких грязных намеков, не вижу в поездке ничего плохого! И не смейте меня удерживать! И билет я смогу себе купить, и позаботиться о себе, любимой, тоже смогу!

Секунду все изумленно смотрели на меня. Я была довольна своим ярким выступлением, разве что не услышала гула оваций. Мои близкие не ожидали от меня такого взрыва эмоций и сидели в оцепенении, раскрывши рты.

Даже Вадим, муж Алины, прилегший вздремнуть на диване, проснулся от звенящей тишины. Да, он многое пропустил. Я думаю, он бы оценил намек на пустой холодильник. Кому, как не ему, знать, что Алина готовит еду только к приходу гостей. В остальное время ее семья сидит на полуфабрикатах. Но надо отдать должное, гости — частое явление в их доме.

Первым очнулся Олег:

— Дорогая, ну разве я против твоей поездки! Хочешь отдохнуть — пожалуйста! Я даже билет тебе закажу туда и обратно. К сожалению, я не смогу проводить тебя, сама знаешь, дела обязывают, но что смогу — сделаю. — Ого, враг дрогнул. Голос у моего мужа был уже не гласом обвиняющего, а шепотом просящего о помиловании.

— Это к счастью, что проводить не сможешь! И о билете я позабочусь сама, а то делаете из меня инвалида умственного труда, — конечно, можно было бы согласиться и позволить купить билет, но идти на поводу не хотелось, а отступить было некуда.

Алина продолжала сидеть с широко открытыми глазами, она никак не могла прийти в себя после моей пламенной речи, и посему голова ее работала только над тем, как бы часть аплодисментов отбить на себя.

— Вот видишь, когда меня слушаешь и о себе заявляешь в полный голос, с тобой больше считаются, — поставила точку именинница.

Выкрутилась! Олег гневно посмотрел на нее и хотел было обозвать Лукерьей, на «Лукерью» она всегда обижается, но не стал.

«Себе дороже», — подумал он.

Мы посидели для приличия еще какое-то время и поехали домой. На тему поездки в тот вечер мы не разговаривали. Олег надеялся, что я к утру изменю свое решение куда-либо ехать, но зря он на это рассчитывал, совершенно зря, я была полна решимости и готовилась к подвигам. Понятия не имела к каким, но готовилась.

Глава 3

Два последующих дня прошли в сборах и проводах. Олег смирился с моей поездкой и уже не морщил лоб от одного только упоминания о Крыме. Наконец настал день его отъезда, простились мы достаточно сухо, муж играл роль обиженного, и я чувствовала себя по этой причине

неловко. Взяв с меня обещание вести себя благоразумно и благопристойно, как будто я веду себя иначе, и, чмокнув в лоб, Олег улетел в Будапешт.

После такого расставания, ехать мне расхотелось, но дело принципа — надо! Я позвонила в «Юность», там меня заверили, что ждут с нетерпением. К моим услугам комфортабельный номер после евроремонта, бассейн, парикмахерская, сауна и прочие блага цивилизации, без которых немислим настоящий курорт. Даже предложили встретить в Симферополе на вокзале. Но поскольку билета у меня еще не было, от предложения я отказалась, доберусь сама.

После разговора с администрацией лагеря настроение так и не улучшилось, на душе почему-то скребли кошки, было муторно и грустно. Я позвонила Алине и поделилась с ней своими сомнениями.

— Не бери дурного в голову, а тяжелого в руки. Жди меня, сейчас приеду, помогу тебе собраться.

Уже через полчаса она была у меня и с порога начала сеанс психотренинга:

— Зря ты так себя изводишь. Твой Олег успел развить в тебе комплекс вины. Вот деспот!

То, что мой муж — деспот, мне было давно

известно. Это любимая тема разговора Алины.

— Марина, запомни, нельзя женщине идти на поводу у мужчины и превращаться в некое дополнение к его персоне. Доля твоя горькая! — Алина потащила меня к зеркалу. — Посмотри на себя! Ты, дорогая, превратилась в обслуживающий персонал. Нельзя доводить себя до изнеможения бытом. Если уж говорить о равноправии, то все должно быть поровну. А что происходит на самом деле? Вспомни, сколько тарелок ты перемыла? А он? Сколько перестирала и перегладила? Он — сколько? Спрашиваю, где же справедливость и равенство? Только не надо говорить мне о том, что он зарабатывает деньги! Ты мать и должна воспитывать ребенка. Но я сейчас не об этом. Мы, женщины, когда ведем себя подобным образом, теряем свое лицо. Из богинь мы превращаемся в плоскомоек. Это неправильно, мы должны привить мужчинам мысль, что цель их брэнной жизни — мы, женщины, и нас нужно завоевывать каждый день. И каждый день хвалить бога за то, что мы есть. И считать за праздник каждый приготовленный нами обед. Запомни, чем реже ты готовишь обед, тем он вкуснее. Это аксиома, не требующая доказательства.

Алину понесло, она может так рассуждать бесконечно долго, если, конечно, не пресечь ее в самом начале. Этот момент я упустила и сейчас

слушала ее пламенную речь вполуха. Все, что она говорила, я уже знала наизусть, поэтому не напрягалась.

Конечно, можно было ей возразить. Но как мне донести до ее головы, что мне милей тихий семейный быт, нежели ее революционная бурная деятельность за равноправие мужчин и женщин? Я получаю куда больше радости от проведенного дня дома, чем она, когда носится на добровольных началах по городу и отвоевывает очередную жертву из лап мужа-тирана.

— Твоя фамилия не Цеткин, случайно? Куда тебя занесло? Не понимаю, Лукерья, как тебя Вадим еще терпит? — перебила я ее на полуслове.

Вообще-то Алине с мужем повезло, этим она и пользуется. Он научный работник и не замечает не только неприготовленного обеда, но порой и жены с ребенком.

— Смотри, прикормит какая-нибудь лаборантка твоего профессора на пироги с капустой. Надоест ему выпрашивать у тебя обеды и ужины, уйдет к другой. Сразу изменишь своим феминистским принципам.

— Да он за своими крысами людей не видит! День-деньской им клизмы ставит и хвосты причесывает. А по поводу лаборанток, так они сами на крыс подопытных похожи, такие же серые. А я обладаю большими женскими

достоинствами. Куда он денется? — сказала Алина, прогнула спинку, с томным вздохом поправила свой пышный бюст и самодовольно посмотрела на себя в зеркало.

Внешностью, конечно, ее бог не обидел. Ладная фигурка и густые каштановые волосы заставляли мужчин оборачиваться ей вслед. Она пользовалась успехом у сильной половины населения, у нее всегда был батальон поклонников, и при всем при том она считала, что все беды идут именно от них, от мужчин. Парадокс какой-то!

— Ну, не знаю, у мужчин свои критерии женской красоты, — не сдавалась я.

— Ладно, поняла, тебя не перевоспитаешь, — обиделась Алина то ли на Лукерью, то ли за мужа, то ли за принципы, — давай лучше оценим твой гардеробчик.

Мы немного поспорили, что мне брать с собой, но потом все же пришли к единому мнению — взять следует только самое необходимое. Я вытащила из кладовки средних размеров чемодан, и мы начали его наполнять. Необходимых вещей оказалось очень много, и чтобы они влезли в чемодан, пришлось их количество сократить вдвое. Брать чемодан большего размера я наотрез отказалась. Справившись с этой задачей, я вспомнила о билетах.

— Алина, мне в ночь уезжать, Олег заказал билеты на поезд, их надо выкупить, составишь компанию?

Алина посмотрела на меня как на умалишенную:

— Ты что, такой лахудрой собираешься ехать, да еще и на вагонной полке трястись? Не любишь ты себя! Уччу, уччу тебя, а все напрасно. Слушай, сейчас мы быстро перемещаемся в парикмахерскую, у меня теперь новый стилист. Такая душка, я тебе скажу! Из молодых, но очень способный. Одно время у Птицына работал. Поднакопил денег, теперь свой салон открыл. Не переживай, отправим тебя самолетом, но только завтра. Да, да, самолетом! И не возражай!

— А если я опоздаю на встречу?

— Не опоздаешь. И вообще всегда помни — лучше опоздать, чем прийти страшной. На кого ты похожа? Лахудра...

Конечно, с лахудрой она загнула, но я не стала с ней спорить, стрижку можно, пожалуй, и подновить. А что касается самолета, то и здесь она права, нужно привыкать жить по-новому.

Алина приняла мое молчание за знак согласия, тут же позвонила в парикмахерскую и не терпящим возражений тоном заявила — мы едем. Кто мы? Объяснять она не стала, похоже, ее там знали хорошо.

Воодушевленная идеей сделать подругу еще прекрасней, Алина буквально за шиворот потащила меня к машине. Она всегда такая, если что в голову втемяшится, танком прет к достижению своей цели, сметая все на своем пути.

Не прошло и десяти минут после звонка Алины, а мы уже входили в салон «Донна Белла». Навстречу нам выскочило полупрозрачное существо неопределенного пола и возраста.

При ближайшем рассмотрении существо оказалось подобием мужчины. О возрасте догадаться было трудно, маленькое сухонькое личико могло в равной степени принадлежать и двадцати летнему юноше, и мужчине лет тридцати. Он относился к категории вечных мальчиков, которые по прошествии лет в одно мгновение превращаются в старичков.

— Алиночка, душечка, я так рад, так рад! Забыли вы нас, забыли. А я скучал! — Существо изобразило на своем лице жуткую обиду.

Как я поняла, это и был Алинин стилист.

— Да ладно тебе, Веня! Я на прошлой неделе к тебе заходила. Вот познакомься, моя подруга Марина, — представила меня Алина.

Веня галантно протянул руку и пожал кончики моих пальцев, Алина в это время продолжала вводить его в курс дела. Лгала она так самозабвенно, что я засомневалась, неужели это

все обо мне:

— Марина завтра должна лететь в Заир на международную конференцию работников туристического бизнеса. Приведи, пожалуйста, ее голову в порядок. Постарайся, дружок. Встреча предстоит очень ответственная. Готовится уникальная туристическая программа. Бомба! Это будет сплав на бамбуковых плотах по реке Чуапа. Тур будет называться «Последний живой турист, или Африканский экстрим», а может, «Мы на Чуапе». Это еще окончательно не решено. Оставшимся в живых от фирмы будут вручены путевки на пляжи Сахары, а родственникам остальных туристов достанутся урны ручной работы с дорогим пеплом внутри. Так что, Веня, считай, от тебя зависит, побывают ли наши соотечественники на экваторе или нет.

— Какие проблемы? Конечно, все сделаем в лучшем виде. Не подкачаем, — отрапортовал Веня, чрезвычайно гордый тем, что выбрали именно его обслужить столь почетную клиентку.

Я уселась в кресло и расслабилась. Тридцать минут моя голова подвергалась мытью и массажу. Следующие полчаса мои волосы напитывались энергией от чудодейственного бальзама.

— Мариночка, а можно меня записать в группу? Уж больно в Африку хочется, — заговорщицки зашептал мне в ухо Веня и для

убедительности закатил глазки.

— Можно, но только во вторую группу, первая уже набрана, — сдерживая смех, ответила я.

Со вздохом облегчения Веня приступил к стрижке. Как заправский фокусник, он делал пасы руками вокруг моей головы. Ножницы, словно бабочки, порхали над копной волос, казалось, что он их даже не касается, только мелкие кончики снежинками осыпались на пол.

Когда моя стрижка подходила к концу, кто-то из парикмахерш включил радио. В салоне заиграла увертюра к опере «Севильский цирюльник». Веня представил себя дирижером и начал щелкать ножницами в такт музыке. По мере нарастания темпа ножницы щелкали чаще и отстригали все больше и больше волос. Я сидела словно замороженная, боясь шелохнуться. И если бы увертюра длилась не семь минут, а дольше, я рисковала быть остриженной под мальчика.

Под звуки финальных аккордов Алина завопила:

— Веня, хватит! Лысых в Заир не пускают.

Услышав кодовое слово «Заир», Веня вздохнул, отложил ножницы в сторону и взял в руки фен. Шопен сменил Россини. Страшно уже не было. Ласковые потоки теплого воздуха напомнили мне, что лето еще не закончилось и

нужно использовать с толком оставшиеся деньки. Зачем мне многокилометровые пляжи Сахары? Это же надо такое придумать! Мне бы на три дня в Крым смотаться! Настроение от этой мысли у меня значительно улучшилось, и я уже не сомневалась, ехать мне или нет. Ехать!

От Вениной работы я осталась в восторге. Стрижка мне очень шла. Мои волосы пшеничного цвета были прекрасно уложены и блестели здоровым блеском. Алина тархтела без остановки, как будто это она ваяла мою красоту, а не мать-природа в компании с парикмахером.

— Алина, а что ты наплела Вене о реке Чупа-чупа? — перебила я нескончаемые комплименты в свой адрес, когда мы вышли из парикмахерской.

— Ты бы еще чупа-чупс сказала! Ой, ну и дремучая ты, Маринка! Чуапа — это приток реки Конго. Я сегодня передачу по каналу «Дискавери» смотрела. Непролазные джунгли, тьма крокодилов и питонов, не говоря уже о малярийных комарах размером с воробья, — тоном профессора географии изрекла Алина.

В этом она вся, новое слово услышит и считает себя просвещеннее других, козыряет им направо и налево. Чуапа!

— А Вене зачем голову морочила? Он просил меня посодействовать, хочет в Африку

поехать.

— Что, правда? Да, не перевелись на земле наивные и доверчивые люди, принимающие все за чистую монету. Я-то пошутила, а иные на этом деньги делают. На прошлой неделе ко мне женщина приходила. Она по объявлению через одну фирму хотела поехать на заработки в Нагонию. Фирма с нее деньги содрала на оформление документов, забрала паспорт, а потом самоликвидировалась. Теперь у женщины нет ни денег, ни документов. И она не одна такая, дураков много нашлось. Жулики развернули рекламную кампанию, обещали гектары земли в личное пользование, гражданство и все такое. Потом собрали денежки и сделали ноги.

— Печальная история. Нагония — это что-то из области литературы? Нагония, Патогония...

— Верно, если мне не изменяет память, Юлиан Семенов придумал такую страну, но, увы, не все читают книги, как мы с тобой, например.

— Ну все, поехали домой, что-то я в парикмахерской притомилась.

— Поехали так поехали.

По пути мы заехали в кассы продаж авиабилетов и купили мне билет на дневной рейс, на утренние часы все места были распроданы. Я немного расстроилась, ведь в лагерь приеду только к вечеру, считай, первый день уже пропал.

После касс мы заехали в пару магазинов, прикупили кое-что из одежды и двинулись в сторону дома. У подъезда я с Алиной рассталась, получив на прощание оставшуюся часть комплиментов в свой адрес и кучу ненужных советов, как с пользой для дела провести время в Крыму.

К полудню следующего дня я без происшествий добралась в аэропорт. Прошла регистрацию и, сдав чемодан в багаж, одной из первых отправилась в накопитель. Вскоре здесь уже толпами бродили пассажиры, ожидая приглашения на посадку в самолет.

По ограниченному пространству накопителя кружил хорошенький мальчуган. Он бегал, широко раскинув руки, пыхтел, рычал, тархтел, явно представляя себя авиалайнером. В одной руке мальчик держал бутылочку «Кока-колы», в другой — батончик «Сникерс». Было довольно жарко, его мордашка была измазана растопленным шоколадом, а потные ладошки оставляли липкие следы на поверхности стекла, куда он время от времени врезался. Пока в накопителе людей было мало, он с легкостью обходил препятствия, но с прибавлением пассажиров это становилось делать все труднее и труднее.

«Сейчас в кого-то влипнет», — только успела я так подумать, как произошло

столкновение. Малыш со всего маху влетел в светлые брюки молодого человека. Надо же, какая неприятность! Мамаша ребенка тут же подскочила и засуетилась вокруг парня. Странно, он постарался от нее побыстрее избавиться, совершенно не прореагировав на пятно. Вот ведь выдержка, другой бы разозлился, разорался, а этот нет, только стоит и бормочет: «Никаких проблем».

«Какой симпатичный мужчина, не скандалист и внешностью бог не обидел, чем-то на молодого Антонио Бандерса похож. Ну очень похож! Жаль, конечно, что я не сторонница курортных романов. Как говорит Алина, у меня гипертрофированная преданность мужу. Что есть, то есть! Все-таки какой он славный, высокий, красивый», — только я приступила к оценке визуальных достоинств молодого человека, как мои мысли были прерваны приглашением на посадку. Народ бодро заспешил к самолету, и я присоединилась к толпе.

* * *

Игорь Сундуков сидел в бежевых «Жигулях» и не сводил глаз с подъезда. «Двенадцать тридцать, ага, вот и муж, ну что ж, время пошло», — отметил про себя Сундуков и проводил взглядом выходящего из подъезда мужчину.

Мужчина прошел мимо «Жигулей», сел в стоявшую недалеко иномарку и уехал. «Счастливого пути», — мысленно пожелал Игорь и продолжил наблюдение за входной дверью.

Через час к дому подъехал серенький «Опель», из которого выпорхнула шустренькая дамочка. Громко хлопнув дверью, она скрылась в подъезде. Еще через час объект наблюдения вместе с этой дамой вышли из дома, беззаботно болтая и не обращая ни на кого внимания, сели в машину и выехали со двора.

Игорь незаметно сел на хвост «Опелю», проводил женщин сначала до салона «Донна Белла», где ему пришлось проскучать битых три часа, затем покатался с ними по городу и наконец притормозил у касс продажи авиабилетов.

«Это уже интересно, вроде мы должны были заехать в железнодорожные кассы. Заказчик убеждал, что она панически боится летать и обязательно поедет поездом», — вспомнил Игорь и направился следом за женщинами в помещение.

Несмотря на отпускной сезон, очередей в кассах не наблюдалось, немногим по карману нынешние цены местных авиалиний, и поэтому заметить объект Сундукову труда особого не составило.

Игорь повертелся у табло с рейсами самолетов, подождал, когда дамы уйдут, и только

затем подошел к освободившемуся окошку.

— Чуть не опоздал. Девушка, миленькая, мне билет на тот же самый рейс, — задыхаясь, как будто долго бежал, скороговоркой произнес Сундуков и протянул в окошко паспорт.

— Я что, телепат, ваши мысли читать? На какой рейс? Сами-то поняли, чего хотели сказать?

Кассирша никак не могла взять в толк, о каком рейсе идет речь, и с подозрением посмотрела на Игоря. Парень показался ей ошалевшим и слегка придурковатым, ну, скажите, откуда ей знать, что ему надо, она в день по сотне таких билетов выписывает.

— Ой, конечно, простите. В Симферополь. Вы только что выписали билет моей начальнице Марине Владимировне Клюквиной. Да, да, фамилия смешная, — поддакнул он кассирше. — Но до чего же вредная баба! Если бы вы знали! Если я не полечу с ней в командировку, она меня на фарш перекрутит, всю кровь высосет, да что там говорить, она меня уволит, выкинет на улицу. А при дефиците рабочих мест начальство в наши дни не выбирают. — Игорь тяжело вздохнул и жалостливо посмотрел на женщину в окошке, при этом соорудил такую физиономию, что впору было заплакать.

До чего женщины любят жалеть мужчин! Особенно молодых, красивых и, что немаловажно,

чужих, на своих мужиков почему-то эмоций уже не хватает. То есть, конечно, хватает, но совершенно иного рода.

Кассирша не была исключением, она взглянула на молодого человека с состраданием, он уже не казался ей придурком. Ну не повезло парню, что делать? Если такая начальница попалась, которая кровь литрами пьет, вообще шизофреником можно стать. У нее самой муж каждый день растерзанный приходит, такая же стервозина нервы треплет, а куда денешься, жить на что-то надо?

— Давайте выпишу вам билет рядом с вашей Клюквиной? — предложила растрогавшаяся кассирша.

— Боже упаси, она и так мне до смерти там надоест, дайте где-нибудь подальше, лучше в хвостовой части.

— Хоть в хвостовой, хоть в носовой, хоть в кабине пилотов — на этот рейс еще много свободных мест, даже кресло второго пилота свободно.

— Почему свободно? — Игорь подумал, что кассирша шутит.

— Так, текучка кадров, летать не хотят на наших рейсах. Самолеты старые, ломаются часто, а бывает и... не взлетают, деньги приходится возвращать. Другое дело — чартерные рейсы. Вот

пилоты и нанимаются — в Турцию или в Дубаи, а кому повезет, по контракту в Африке устраиваются местных царьков перевозить из племени в племя. Билет-то выписывать?

— Выписывайте, — без энтузиазма отозвался Сундуков и протянул в окошко деньги.

«Итак, билет на руках, теперь до утра можно расслабиться, вряд ли ей придет в голову куда-то еще ехать», — подумал Игорь и решил на сегодня оставить даму в покое и закончить слезку.

Утром, наскоро собравшись, он уже дежурил поблизости дома Клюквиной. Без опоздания она вышла из дома и на такси двинулась в аэропорт.

Игорь отправился следом. В аэропорту он растворился в толпе и не выпускал ее из виду до самой посадки.

В накопителе без сбоя не обошлось. «Куда смотрят эти бестолковые мамыши? Ребенок, весь измазанный чем-то липким и гадким, с диким звериным ревом носится сломя голову, а она журнальчик читает», — Игорь не выдержал, выразительно посмотрел и шикнул на мальчика.

Зря! Как будто читая мысли, малыш на всей скорости врезался в светлые брюки «противного дядьки», причем ухитрился еще и очистить свой сопливый нос. Стервец явно это сделал специально. Все пассажиры, как один, посмотрели в сторону Игоря. Он брезгливо отлепил от себя

мальчика и с досадой произнес про себя пару крепких словечек.

Откуда ни возьмись, появилась мамаша ребенка со своими извинениями. Она достала платок не первой свежести, наклонилась и попыталась исправить положение, усиленно растирая липкую грязь на ткани.

Народ с интересом наблюдал за происходящим: кто-то сочувствовал пострадавшему Сундукову, кто-то хихикал, потому как мать ребенка терла аккурат в районе причинного места, кто-то давал никому не нужные советы.

«Что она делает? Идиотка! Откуда она взялась? Лучше бы за ребенком следила! Только всеобщего внимания мне не хватает», — Игорь отодвинулся от назойливой мамыши и постарался быстрее отделаться от нее и дитяти.

Женщина, чувствуя вину за случившееся, продолжала одной рукой тереть безнадежно испорченные брюки, а другой держала пытавшегося удрать мальчишку.

— Васька, проси прошение у дяди! — зарычала она на сына, бросив наконец-то размазывать грязь, и освободившейся рукой отвесила своему отпрыску подзатыльник.

Мальчик заплакал, и вся толпа осуждающе посмотрела на Игоря, будто он был причиной

неприятностей ребенка. Мамаша взяла в руки бутылку с минеральной водой, открутила крышку и со словами: «Разрешите, я застираю», — уже намеревалась вылить воду на брюки.

— Только не это! — взвизгнул Сундуков. — Не надо ничего не надо. И перестаньте ругать сына. Я не сержусь. У вас просто очень резвый мальчик, — сквозь зубы процедил он и, изобразив на лице фальшивую улыбку, погладил ребенка по голове. Кто бы знал, чего это ему стоило.

Игорь женат не был и детей не имел, поэтому об особенностях детского поведения ничего не знал. Все дети казались ему невоспитанными и избалованными, вечно хныкающими и сопливыми.

Свое детство он считал счастливым. До семи лет он жил с бабкой в деревне и был вожаком деревенской ребятни. Когда пришла пора определяться со школой, мать забрала его в город. С тех пор он с прохладцей относился к городским детям, считая их тепличными и никудышными.

— Ма, а чего он мне пальцем грозил? Я ему чо сделал? Пусть с этим пальцем знаешь чо сделает? — отозвался Васька, оттопырив свой маленький замызганный пальчик, за что незамедлительно получил очередную оплеуху от матери. — Да ты чо! Ма!

«Воспитанный мальчик! Ничего не скажешь! Драть его надо как сидорову козу», — подумал

Сундуков и еще раз скривился в улыбке.

— Вы простите его. Дитя он еще, несмышлениш. — Мамаша стояла красная как рак, с трудом подбирала слова, не зная, как загладить вину перед этим воспитанным молодым человеком.

К счастью, объявили посадку, люди заспешили к самолету, и конфликт был исчерпан сам собой.

Глава 4

Если бы не Алина со своей парикмахерской, в жизни бы не полетела самолетом. Я готова сутками трястись в поезде или в автомобиле, лишь бы не отрываться от земли. У меня аэрофобия, причем в гипертрофированной форме. Пока самолет набирал высоту, я дрожала, вцепившись в подлокотники кресла и бормоча под нос: «Только бы не упал. Спаси и сохрани! Только бы не упал».

Чтобы как-то отвлечь себя от навязчивых мыслей об авиакатастрофе, я достала из сумки фотографию двадцати летней давности. На фоне стройных кипарисов стояли такие же стройные и красивые девушки и ребята. Справа от меня — венгр Ласло Хорти. За ним — Павел Федоров, бывший профсоюзный активист, ставший впоследствии депутатом. Потом стояла Вика

Швецова, сумевшая выйти замуж за француза-аристократа. Слева разместился Ян Кисневский, мой воздыхатель и тень, следовавшая за мной повсюду. На нем я задержала взгляд, и миг на меня нахлынули воспоминания.

Ян был родом из Кракова, но прекрасно говорил по-русски. Его родители изучали язык страны Советов в университете, читали русскую литературу и смогли привить сыну любовь к Пушкину и Достоевскому.

В Яне, кроме привлекательной внешности, было много и других достоинств, выгодно отличавших его от других юношей. Общительный и прекрасно воспитанный, он сразу стал объектом пристального внимания многих девушек. Вика Швецова, в душе интернационалистка, сразу положила глаз на Кисневского. Она попыталась прибрать его к рукам, но ее чаяниям не суждено было сбыться, Ян выбрал меня.

Мы много гуляли, взбирались на горы, часами могли разговаривать о чем угодно, нам никогда не было скучно вдвоем. Когда он узнал, что у меня тоже есть польские корни и даже родственники в Варшаве, страшно обрадовался. Правда, я ему объяснила, что родственники очень дальние, наша семья лишь знала об их существовании, но никогда в глаза не видела и даже не переписывалась с ними. Но это его

нисколько не смутило, он тут же вызвался разыскать мою родню и содействовать воссоединению семьи. Ян, несомненно, строил далеко идущие планы на наше совместное будущее.

Наш роман набирал темпы, и романтические отношения стремились перейти в иную фазу развития любовных отношений, но как поется в песне: «Красивая и смелая дорожку перешла...»

Да, у меня банально увели из-под носа выгодного жениха. Я, в ту пору наивная, не растленная девица, и в мыслях не могла предположить, что возможен вариант, когда предпочтут не меня.

Иностранцы занимали отдельные комнаты, наших же студентов расселяли по несколько человек. Я делила комнату с Татьяной Ларионовой и, естественно, считала ее своей подругой.

Мы часто проводили время втроем, иногда в нашу кампанию вливался Ласло. Хохотушка и говорунья, Танька веселилась сама и заводила окружающих. Липла она ко всем и висла на всех. Вот уж вокруг кого парни роились, как пчелы подле бочки с медом. Конечно, мне следовало сразу сообразить, кто станет следующей Таниной жертвой. Но я тогда, повторюсь, была наивна и глупа.

Оставалось несколько дней до отъезда,

Татьяна возвращалась, как обычно, под утро, меня это не слишком волновало, в конце концов, ее дело — где и с кем ночевать, но Ян стал вести себя странно. Его обволакивающий, некогда полный нежности взгляд куда-то исчез. «Вчера еще в глаза глядел, а нынче — все косится в сторону!» Нет, он не избегал меня, но боялся посмотреть в глаза. И, как мне казалось, хотел что-то сказать, но не решался.

Накануне отъезда, набравшись смелости, он выложил все на чистоту. Он переспал с Татьяной и теперь не может поддерживать со мной отношения. Почему? Потому что любит меня, но недостойн и как честный человек должен жениться на Таньке. Поверить в это было трудно. Не в то, что переспал, а в то, как он к этому относился. Ну просто обязан жениться, и все! Вот те раз! И вроде Татьяна не настаивала, ни о чем таком она и не думала, а он: «Женюсь». Девятнадцатый век какой-то! Пушкина перечитал! Как будто он у нее первый и последний. Как будто не она затащила его в постель, а он соблазнил доверчивую и непорочную девицу. Я была потрясена его слепотой, дуростью и одновременно благородством. В моей душе не было места ревности или обиде — одно лишь недоумение, как такое в наши дни возможно. Да если бы Татьяна со всеми, с кем спала, регистрировала отношения, то

у нее в паспорте давно бы листочки закончились, пришлось бы заказывать вкладыши!

Но с его стороны слова были сказаны, теперь мне следовало принять решение. «Бегать за парнями не в моих правилах. Таких Янов в моей жизни будет великое множество, главное — не прогадать, выбрать самого-самого достойного, а этого двуликого Януса нужно забыть, и чем скорее, тем лучше», — решила я и отпустила Яна с легким сердцем.

Вика Швецова была на вершине блаженства — Ян не достался ни мне, ни ей. И хотя я держалась, как будто ничего не случилось, в глазах окружающих все равно выглядела брошенной и несчастной. Вика ликовала.

Так закончилась моя любовь на втором курсе. На вокзале мы с Яном обменялись адресами и расстались с миром. Больше я с ним не встречалась, и воспоминания о нем меня не тревожили.

Татьяна пару раз всплывала в моей жизни. В первый раз мы случайно встретились лет через десять после описанных событий. Мы буквально лбами столкнулись в аэропорту. Я с Олегом и маленькой Анютой улетала на отдых. Татьяна, напротив, гостившая у каких-то родственников, возвращалась домой. Она мало изменилась, узнать ее не составило особого труда, а я и сейчас

выгляжу ненамного старше, чем тогда, много лет назад. Татьяна первая бросилась ко мне с радостным воплем, позабыв, что в свое время увела у меня парня, но я на нее зла не держала, мы за чашкой кофе вспомнили былое и простили друг друга. Имя Яна ни я, ни она в разговоре не упоминали — похоже, их роман скоропостижно закончился там же, в Крыму.

Второй раз мы встретились совсем недавно, несколько месяцев назад. Она была проездом в нашем городе и по старой дружбе заскочила ко мне в гости, говорили мы в основном о старых знакомых, кто кем стал и чего в жизни добился.

Вспомнили Ласло. Хотя чего его вспоминать? Я частенько вижу Ласло в своем доме, а мой муж так вообще прописался в будапештской квартире гостеприимного венгра. Пять лет назад мы с Олегом ездили в Венгрию на международную промышленную ярмарку, и надо же было такому случиться: Ласло оказался одним из организаторов этой ярмарки. В настоящее время он один из постоянных партнеров моего мужа, и общаются они довольно часто.

Вспомнили Пашку Федорова, вот уж кто теперь величина! Дня не проходит, чтобы он свою круглую физиономию не засветил на телевизионном экране. Только и слышу: «Выступает депутат Павел Федоров. Иностранную

делегацию встречали Павел Федоров и другие официальные лица». И т. д. и т. п.

Нет, Пашка вряд ли приедет, а там — кто его знает. Может, инициатива всех нас собрать исходила именно от него? Он ведь у нас депутат, ему и карты в руки.

Вика Швецова из Парижа точно не прилетит, говорят, после того как она переселилась к мужу, к ней табунами стали приезжать родственники, друзья и просто знакомые. Муж терпел, терпел, но под конец не выдержал и поставил перед Викторией условие: «Или ты со мной, или с ними, но на своей исторической родине». Вика выбрала безбедное существование на чужбине и теперь со своими соотечественниками общается крайне редко. Интересно, она ко мне подобрела?

Глава 5

Мои воспоминания прервана стюардесса, она попросила пристегнуть ремни и во время посадки не покидать своих мест. Я спрятала фотографию и снова стала трястись от страха. По статистике самолеты разбиваются или при взлете, или при посадке, или, как вы догадались, во время самого полета. Но все обошлось вполне благополучно, и я с радостью вступила на матушку-землю.

Теперь моей задачей было добраться до

конечного пункта. Это оказалось совсем просто. Первый встречный таксист предложил доставить меня в любую точку Крыма. В цене мы с ним быстро сошлись и уже через десять минут мчались на юг, в сторону моря.

Ох уж эти южные мужчины. Джигиты! Не успела я прийти в себя после самолета, как новое испытание выпало на мою долю! Ну сколько можно издеваться над бедной женщиной? Таксист абсолютно не ценил мою жизнь, свою, кстати, тоже. Дорога вилась серпантинном, яркая зелень радовала глаз, небо сверкало синевой и белоснежными облаками, но мне было совсем не до дивных красот горного Крыма, мне было страшно.

Этот гонщик так давил на газ, что я боялась взлететь в воздух во второй раз за день. К тому же он без умолку болтал и пялил глаза больше на меня, чем впереди себя, на дорогу. Проехав перевал, он вообще убрал ноги с педалей и начал отбивать ими в такт популярной мелодии, передаваемой по радио. Машина катилась накатом вниз и с каждой секундой набирала все большую скорость, а таксист время от времени крутил баранку то влево, то вправо, как мне казалось, только лишь затем, чтобы сделать очередное танцевальное движение.

— А тормоза в машине в исправности? — Я

попыталась привлечь его внимание к дороге.

— А кто их знает, я редко ими пользуюсь.

— То есть — как?

— Я шучу, не переживайте. Вот смотрите сами.

В конце очередного виража он силой надавил на педаль тормоза, машина завизжала, проехала немного по инерции и остановилась как вкопанная в нескольких сантиметрах от дорожного ограждения. Как нас не вынесло на обочину, одному богу известно. Я зажмурила глаза, сначала вжалась в спинку сиденья, а затем меня понесло вперед так, что я чуть не разбила лбом ветровое стекло.

— Ну, как тормоза? — с гордостью спросил он.

Не успела я ничего сказать по поводу тормозов, как сзади послышался скрежет, меня вновь вытолкнуло вперед, и я все-таки ударилась лбом о панель. Таксист выскочил из машины и заорал:

— Ты что, идиот, без тормозов едешь? — далее последовал обмен любезностями между водителями, большая часть слов, которыми они награждали друг друга, была мне непонятна, но, послушав их сочные выражения, вскоре мне стало ясно: мужчины были недовольны друг другом.

— Любезный, я гроб еще не заказывала. Они

в этих местах по дешевке или в цене? Хотя, если мы вертанемся вниз, от меня мало что останется, смогут похоронить и в урне. Может, поедем помедленнее и без экспериментов с тормозами? — попросила я таксиста, когда он наконец-то уселся на свое место и завел машину.

— Вы, дамочка, отдыхать едете, а мне засветло вернуться надо, — обиженно проворчал таксист, как будто он делал мне одолжение, а не вез за деньги.

— Не убедительный аргумент. Если так гнать, можно вообще никуда не успеть и не вернуться, потому как с того света не возвращаются.

Удивительно, но таксист меня послушался и сбросил скорость. Оставшуюся часть пути я провела в относительном покое, а главное, в тишине. Мы довольно спокойно въехали в поселок, еще немного — и меня выгрузили под вывеской «Юность». Я рассчиталась с таксистом, и через секунду его машина с диким ревом исчезла где-то за поворотом. Ну что ж, если ему ничего не помешает, то вернуться засветло он успеет.

Я осмотрелась вокруг. Ничего не изменилось с тех далеких времен: те же сосны, те же скалы, та же пыльная проселочная дорога. Даже вывеска — и та осталась прежней, только краска на буквах кое-где пооблупилась и столбы с указателями

маршрутов давно следовало заменить на новые.

Странно. Не похоже, чтобы здесь готовились к встрече гостей. Я прошла на территорию, кругом было тихо и безлюдно. Я ожидала услышать веселую музыку, увидеть разодетую публику, гроздя надувных шаров, яркие плакаты и многое другое, что соответствовало бы юбилею. Увы, ничего этого я не увидела и не услышала.

В глубине лагеря слонялись какие-то люди. Издали их трудно было разглядеть, но в любом случае они совсем не походили на беззаботных отдыхающих. Они наклонялись, приседали и что-то перетаскивали с места на место. Кроме этих людей, на территории лагеря я никого не заметила. Что ж, больше спрашивать не у кого, придется идти к ним.

Два мужика бомжеватого вида собирали обрезки труб с того места, которое прежде называлось клумбой. Собственно, это я помнила, что на этом месте была роскошная клумба, сейчас сквозь покореженный металлолом пробивались чахлые ростки ночной фиалки.

— Бог в помощь! К празднику готовитесь?

— Какому празднику? Шутите? У нас праздник, когда зарплату выдают, — ответил мне бойкий мужичок, некрепко стоявший на ногах. Второй, его напарник, подозрительно оглядел меня с ног до головы и промолчал.

— А что же вы тогда делаете? — спросила я и глупо улыбнулась. Почему глупо? Да потому, что живо представила себя со стороны, пристающей к мужикам с нелепыми вопросами. Что тут делают — будто я сама этого не вижу?

Но я ошиблась, рабочие не отправили меня куда подальше, а даже напротив — обрадовались возможности сделать очередной перекур. Они отбросили куски железа в сторону, достали из карманов пачки с дешевым куревом и стали вводить меня в курс дела.

— Не вишь? Последние дни доживает лагерь. Разбираем все на хрен. Выкупили лагерь, ну эти новые... Как их называют? Аллигаторы, что ли? Тепереча ремонт затеяли. Евро... — Мужичок сделал ударение на слове «евро», желая выглядеть более продвинутым в области современного строительства и дизайна. Давалось ему это с трудом, он был с дикого похмелья. — погоди, я сейчас. — Он потянулся к своей сумке, поискал и выудил из нее бутылку пива. — Будешь? — на всякий случай спросил он напарника и, не дождавшись ответа, жадно прильнул к бутылке. — Хорошо! Вот я и говорю, еврореконструкцию затеяли, — уже достаточно бодро заявил спасенный. — Все здесь будет: и бассейн, и баня, и ресторан, и чтоб в теннис играть можно было. Все будет, но не сразу. А ты, красавица, зачем

пожаловала? Отдыхающих мы не берем. Вась, мы берем отдыхающих?

Вася не стал себе изменять, молча пожал плечами и отрицательно замотал головой.

— Мне бы кого-нибудь из начальства. Администрация в лагере осталась? Подскажите: где мне их найти?

— Иди прямо, рядом со столовкой увидишь дом с верандой, там сидит Людмила Ивановна. Одна она из старой администрации осталась. Остальных или разогнали, или сами ушли. Еще бухгалтер из старых, но она уже неделю не показывается. Может, заболела. Вась, не знаешь?

— Нет, не знаю, — подал голос Вася.

Я побрела в указанном направлении. То, что я увидела по дороге, глубоко меня потрясло. Лагерь выглядел заброшенным. Ветхие строения давно требовали ремонта. Кое-где торчали стенды с планами туристических маршрутов, по этим маршрутам и я когда-то ходила с рюкзаком. Такое впечатление, что после моего отъезда никто эти стенды не обновлял. Деревяшки, на которых крепились щиты, гнулись под легким дуновением ветерка, желая лечь на траву, чтобы никогда уже не подняться. Некогда аккуратные зеленые газоны и яркие клумбы превратились в заросли колючих сорняков.

Скульптурную композицию «Юные

туристы» следовало бы переименовать в «Пришествие зомби из преисподней», выглядела она как фрагмент фильма ужаса: улыбающиеся калеки без рук и не со всеми ногами шагали с огромными мешками за плечами. Улыбались также не все по простой причине — не у всех были головы.

Юбилей здесь отмечать не собирались, об этом я уже догадалась. Оставалось понять: что это? Недоразумение? Чья-то глупая шутка? А как же приглашение? С кем же я тогда разговаривала по телефону. С этими мыслями я вошла в дом, в котором, со слов рабочих, размещалась администрация.

— Ау, есть кто-нибудь? Людмила Ивановна, — позвала я в надежде, что кто-то объяснит мне происходящее.

На мой зов вышла немолодая женщина и с удивлением посмотрела на меня:

— Людмила Ивановна — это я. Вы меня ищите?

— Да, ищу вас или того, кто бы мне смог все объяснить. — Я рассказала ей о приглашении на юбилей лагеря и показала открытку.

Людмила Ивановна долго крутила в руках приглашение, с сомнением поглядывала на меня и молчала.

— Вы мне можете объяснить, что

происходит? — не выдержала я.

— Не знаю, что и сказать. Три месяца назад лагерь выкупили под строительство гостиницы. Хотят все снести и выстроить заново. Работы по демонтажу в самом разгаре. Так что ни о каком юбилее и речи быть не может. Возможно, вас кто-то разыграл? Хотя, на мой взгляд, шутка более чем глупая.

— Как же так? Я звонила вчера, и мне ответили, что меня ждут и номер бронируют.

Моя фамилия Клюквина. — Я на что-то еще надеялась.

— Девушка, у нас телефон не работает уже недели две! Куда вы могли звонить и кто вам мог ответить? Да и номер-то не наш. — Она посмотрела на меня с сожалением.

Я растерянно заморгала. Губы мои предательски задрожали. Я почувствовала, что еще одна секунда — и потекут слезы. Что за нелепая шутка? Кто так мог со мной поступить? Почему я не послушалась Олега? И Алина со своим салоном. Приехала бы сегодня утром, ноги моей давно бы уже здесь не было. А теперь куда я на ночь глядя поеду?

Людмила Ивановна испугалась, что я сейчас зарыдаю, и поторопилась меня успокоить:

— Не переживайте вы так, у нас в первом спальном корпусе не всё еще разобрали, есть

нормальные номера. Переночуете, а там видно будет. Может, захотите да еще поживете, вы ведь отдыхать приехали? И не бойтесь, одна в корпусе не будете: мы несколько комнат туристам сдали. Зачем все сразу ломать? Сезон, можно еще какие-то деньги заработать. А если не захотите оставаться, завтра автобусом в девять утра в Ялту уедете.

— Спасибо, я переночую, а завтра уеду.

— Идите, отдохайте. Найдете горничную, Верой ее зовут, она вам ключи даст от комнаты. Ой, совсем забыла, Вера уволилась, новенькая там девушка. Ну да найдете, скажите, что от меня. Иди, милая, иди.

Я подхватила чемодан и побрела в спальный корпус. Меня уже не радовали ни чистый, звенящий воздух, ни теплое солнце, ни дивные красоты горного Крыма. Не грели душу романтические воспоминания. Я хотела только одного — заснуть, а наутро побыстрее покинуть это странное место.

Горничная, которую я нашла без труда, казалась самой любезностью, она посмотрела на мое расстроенное лицо и предложила на выбор несколько комнат. Только мне было абсолютно все равно, где я буду спать.

— Давайте вот эту, поближе к выходу, чтобы чемодан далеко не тащить. Сколько с меня? Этого

хватит? — я протянула девушке купюру.

— У нас можно заказать ужин. Столовая закрыта, но для постояльцев, их не так много, мы готовим сами. Еда домашняя, все хвалят! А хотите, я винца принесу? Ну что ж вы так переживаете? На вас лица нет. Я сейчас, мигом что-нибудь соображу. — Девушка сорвалась с места и умчалась.

Я осталась одна в номере. Всё, всё, как прежде: две кровати, шкаф, тумбочка, трюмо и стол. В изнеможении я села на кровать, даже покрывала старые, наверное, с тех далеких времен остались.

Не успела я достать из сумки вещи, чтобы переодеться, горничная вернулась. Она принесла комплект постельного белья и большую корзину, доверху набитую продуктами. Девушка бросила простыни на кровать и стала выкладывать на стол огурцы, помидоры, зелень, вареную картошку, мясные котлеты и прочую вкусную снедь. В конце она достала из корзины бутылку домашнего вина.

— Присаживайтесь, поди есть хотите?

Я воспользовалась приглашением. Переживания переживаниями, но ела я в последний раз еще дома, а если разобраться, то вчера вечером, сегодня утром только выпила чашку чая.

— Лера, меня зовут Лерой, — представилась

девушка. Она разлила вино по стаканам и подвинула ко мне тарелку с закуской. — Ешь. А тебя как зовут? — Лера, не церемонясь, перешла на «ты».

— Мариной.

— Ну, не грусти, Марина! Давай выпьем за нас, за женщин! До дна! Сразу почувствуешь, как полегчает! — Она опрокинула в себя стакан и подождала, когда выпью я. — Говорю тебе, плюнь на все и на всех. Раз уж сюда приехала, отдыхай. А хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю? Тут туристы на постой попросились, есть очень достойные мужские особи.

— Нет, не надо меня ни с кем знакомить. Принеси лучше чая.

— Ты что? Еще вино не выпили, а ты чая! По одной! За любовь! — Девушка снова налила вина и протянула мне стакан.

Пить мне не хотелось, вино мне не понравилось, оно было приторно-сладким и немного горчило, но я все же сделала несколько глотков и отодвинула от себя стакан.

— Ну как? Полегчало? — поинтересовалась Лера, ей вино было по вкусу, второй стакан она выпила так же легко, как и первый.

— Да, — согласилась я. Мне определенно стало легче, я уже не так трагично смотрела на сложившуюся ситуацию. Кто-то глупо пошутил,

но ничего, завтра я приеду домой и разберусь, кому выдрать ноги.

От выпитого вина голова моя затуманилась, ноги стали тяжелыми, и приятное тепло окутало мое тело. Мне захотелось спать, но рядом сидела Лера, и я не знала, как избавиться от назойливой гостьи.

«А чего я стесняюсь? За номер я заплатила, за ужин сейчас рассчитаюсь или нет, лучше завтра, сил никаких нет подниматься и лезть в кошелек. Пусть себе идет, а я буду спать», — мысли мои путались, я еле сдерживала себя, чтобы не упасть на кровать.

— Знаешь, Лера, я очень устала и хочу спать. Пожалуй, чая уже не надо. И это все унеси. Деньги получишь завтра. Ты не против? — Я демонстративно встала из-за стола и прилегла на кровать.

Лера, конечно, была против того, чтобы так рано заканчивать вечеринку, но ей ничего не оставалось делать, как молча собрать остатки еды и уйти.

Как только за девушкой захлопнулась дверь, я расслабилась. За прошедший день я так устала, что мне не хотелось ни думать, ни разбираться в случившемся. Веки мои сомкнулись, и я крепко заснула. Последняя моя мысль была о том, что завтра утром первым автобусом я отсюда уеду.

В аэропорту, пока объект торговался с таксистом, Игорь быстро нашел арендованную машину. Это был весьма потрепанный «Рено» серого цвета. Сундуков поискал рукой под бампером и извлек ключи. Доверенность и документы на машину лежали в бардачке.

Игорь мысленно поблагодарил шефа, Максима Седых, это он побеспокоился о машине, как только узнал, каким рейсом будут лететь Клюквина и Сундуков. Еще во время службы Максим Седых, в недалеком прошлом майор милиции, обзавелся множеством друзей в разных уголках страны. Друзья не подвели и на этот раз. Один звонок накануне, и вот к услугам фирмы автомобиль, неброский и надежный.

«Ну что ж, теперь в путь! — подумал Игорь. — Машина, конечно, не супер, но зато в глаза не бросается. Будем надеяться, она только с виду такая убитая».

Сундуков заранее разжился адресом лагеря, но вперед решил не вырываться, чтобы не упустить объект из виду, мало ли что даме может прийти в голову, вдруг она возьмет и изменит маршрут.

Как только такси тронулось, Игорь пропустил несколько машин вперед и пристроился

следом. Сначала ведомая машина пыталась оторваться, и Сундукову пришлось поволноваться. Он поднажал на газ и вскоре за поворотом чуть не влетел в такси. Собственно, в такси влетел до него другой автомобиль, и, слава богу, все обошлось без пострадавших, обе машины отделались только разбитой фарой и погнутым капотом. Игорь проскочил мимо и через пятьдесят метров съехал на обочину — подождать, когда водители разойдутся с миром и поедут дальше. Вскоре на дороге показался виновник происшествия, таксист ехал с положенной скоростью, вел себя смирно и в дальнейшем правил не нарушал.

Недалеко от въезда в лагерь Игорь остановился, подождал, пока таксист высадит пассажирку, и только после этого поставил машину на стоянку с внешней стороны ограждения.

Он незаметно прошел на территорию и обосновался в покосившейся от старости беседке. Два часа он наблюдал, как Клюквина с недоумением бродит по лагерю, что-то ищет, кого-то выпрашивает. Потом зашла в спальный корпус, сняла номер и безвылазно в нем засела. Сундукова это очень удивило.

«За каким чертом она сюда приехала? Не похоже, чтобы ее здесь ждали. Хотя, кто его знает, зачем она вообще оказалась в этом заброшенном

лагере. Посмотрим», — подумал Игорь и решил побеспокоиться о своем ночлеге.

Он разыскал горничную, сочинил сказку о том, как отстал от компании, и попросился переночевать. Та с радостью взяла деньги, поселила его в соседней с Клюквиной комнате и убежала по своим делам.

Игорь прильнул ухом к стене. Он слышал звон посуды и негромкий голос горничной, приглашавшей свою постоялицу выпить. Застолье — первое, что пришло ему в голову, он пожалел о том, что не прихватил с собой ничего из съестного.

Голод — не тетка! Сундуков вышел из комнаты и отправился на поиски буфета или кафе. Есть же на территории лагеря заведение, где можно купить хоть какую-то еду? Он походил вокруг старой столовой и пришел к выводу: здесь уже давно никто ничего не готовил. На дверях пищеблока висел ржавый замок, а окна были оклеены выцветшими от солнца газетами. Идти в поселок Игорю не хотелось, и он отправился назад в корпус с надеждой подкупить чего-нибудь у горничной. Соорудила же она ужин Клюквиной? Чем он хуже? Сундуков давно усвоил истину — деньги решают все.

В коридоре он горничную не нашел, вернулся к себе. За стенкой была полная тишина. Ни шагов, ни шороха, ни какого иного звука Игорь

не услышал. Он не поленился и опять вышел в коридор. Дверь в соседнюю комнату оказалась незапертой, он приоткрыл ее и увидел мирно спящую на кровати Клюквину.

«Спит. Странно, прошло-то всего минут двадцать, не больше. Время еще детское, даже толком не стемнело. Я на ее месте пошел бы погулять, воздух здесь такой чудесный», — подумал Сундуков и решил воспользоваться своим же советом и подышать горным воздухом.

Игорь натянул легкий свитер, намериваясь побродить по окрестностям подольше. Он обошел здание спального корпуса, незаметно заглянул в окно — так и есть, спит, даже не разделась, в чем приехала, в том и завалилась на кровать.

Сундуков вышел за территорию лагеря. Воздух, наполненный ароматами хвои и цветов, кружил голову. Южная ночь еще не вступила полностью в свои права, хорошо были видны очертания гор, деревьев, даже можно было разобрать буквы на вывеске с названием лагеря. Но с каждой минутой становилось все темнее и темнее. Застрекотали цикады. Где-то надрывно закричала ночная птица, внушая чувство тревоги непрошеным гостям ночного леса.

Игорь решил, что пора возвращаться, и оглянулся на темный лагерь, ни один фонарь не светился. Придется идти на ощупь, как назло, в это

время луна скрылась за облаками, хорошо хоть дорожки не успели перекопать. Сундуков побрел к корпусу, заходить в номер не хотелось, книг он не брал, телевизора в комнате не было, а мозолить глаза горничной не входило в его планы. Он пошел к ранее облюбованной беседке, чтобы еще немного насладиться ночной прохладой.

В целом было тихо, лишь высоко над головой, в кронах высоких деревьев шелестел ветер. Со свистом упала шишка, больно треснув Игоря по голове.

— Е-мое! — от неожиданности он схватился за голову. — То ли ветром сбило, то ли белка-растеряха уронила. Все самое лучшее почему-то всегда достается мне.

«Вот почему я, здоровый и умный мужик, должен заниматься черт знает чем? Сижу в какой-то тьмутаракани и слежу за взбалмошной дамочкой. Мне это надо? Ни семьи, ни дома не имею. Как пес, вечно рыскаю в поисках заблудших душ. Как пошло в один момент наперекосяк, так и по сей день одни шишки на голову сыплются», — Сундуков потер ушибленное место.

Игорь рос без отца и был уличным пацаном. Мать с утра до вечера на работе, а он — во дворе. Когда ему стукнуло двенадцать лет, окончательно устав от постоянных визитов к классной руководительнице и директору школы, мать

махнула на него рукой.

Сундукова в школе знали как первого хулигана и зачинщика драк. С синяками он ходил редко, больше от его кулаков страдали другие дети. И не известно, как бы сложилась жизнь Игоря, если бы не счастливый случай — он познакомился с Антоном Ивановичем, другом школьного физкультурника.

Один раз перед уроком физвоспитания Сундуков по своему обыкновению устроил драку. В разгар потасовки в зал вошел Антон Иванович. Он заметил крепкого мальчишку и пригласил в свою секцию вольной борьбы. Игорь прижился там, стал делать успехи, занимать почетные места на соревнованиях и к девятому классу защитил звание мастера спорта. Так его необузданная энергия была направлена в нужное русло.

К моменту окончания школы Игорь уже выступал за команду университета и был принят на юридический факультет практически без экзаменов. Учился он, как и все спортсмены, время от времени, с долгами, переэкзаменовками и хвостами.

Перед последним курсом, на сборах Игорь повредил плечо, не поехал на соревнования и остался на спортивной базе — следовало хорошо подлечиться, пройти курс массажа и восстановительных упражнений. Поскольку,

кроме плеча, у него ничего не болело, он закрутил роман с молоденькой докторицей по лечебной физкультуре. И надо же было такому случиться, эта дама оказалась женой декана факультета, на котором имел честь учиться Сундуков. Обманутый муж приехал на базу в неподходящий момент и застал влюбленную парочку. Был жуткий скандал, сессию Игорю пересдать не разрешили. Не спасли его ни достижения, ни регалии. Так он покинул университет, не доучившись один год. Травмы стали постоянно преследовать его, и со спортом вскоре пришлось завязать. Игорь пробовал заниматься торговлей, не получилось, потом несколько лет проработал охранником, пока не устроился на работу в «Цербер».

«Да, работа, работа, одна работа. Ни сна, ни отдыха. Единственный плюс — деньги, приличные, чтобы многое себе позволить. К примеру, за эту дамочку отвалили столько, что можно безбедно жить здесь, в Крыму, три месяца, не поспешили. Если бы она еще что-нибудь из себя представляла. Так, мышшь серая. Хотя нет, выглядит она для своих лет классно, если, конечно, присмотреться поближе. И все-таки, что эта ягода-малина здесь забыла?» — Игорь от нечего делать стал размышлять о причине приезда Клюквиной в этот полуразобраный лагерь.

Он перебрал много вариантов, но ни один

ему не нравился. В голову приходило много разного. Например, ей нужно здесь с кем-то встретиться. Это понятно. С кем? Юбилей лагеря — это ширма для мужа. Тогда... с любовником? Нет, для свидания место можно было подобрать и попрстойнее. Какой романтизм в этих покосившихся от времени халупах и грудях строительного мусора, да и зачем так далеко ехать?

Хочет купить в этом месте жилье в тайне от мужа? Но почему не у моря? И вообще, что можно здесь купить? Спальный корпус под снос? Может, она хотела выкупить весь лагерь, чтобы построить частную гостиницу? Так она опоздала, лагерь уже выкуплен, и потом, какие деньги нужно иметь, чтобы себе позволить подобное приобретение?

Время было за полночь, Игорь уже хотел плюнуть на все и пойти лечь в кровать, но вдруг услышал вдалеке шорох шин подъезжающей машины, спать ему вмиг расхотелось. Он напрягся, весь превратился в слух и вскоре интуитивно почувствовал поблизости чье-то присутствие. А вдруг это по душу Клюквиной?

«Вечер перестает быть пустым. Кажется, дама пользуется успехом. Не я один ею интересуюсь», — подумал Игорь, затаил дыхание и постарался слиться с темнотой.

Две тени промелькнули под окнами и тихо

шмыгнули в корпус. Через пару минут они вышли, но их было уже трое. На какое-то время из-за туч выплыла луна, и Игорь смог рассмотреть всю троицу. Один мужчина поддерживал за талию Клюквину, другой нес ее чемодан. Она шла неуверенно, постоянно спотыкалась на ступеньках, как будто не замечала их. А может, она вообще ничего не видела? Веки ее были прикрыты, голова то и дело падала на плечо спутнику, а руки безвольно свисали вдоль тела.

Что это с ней? Пьяная, что ли? Или по голове дали? Игорь решил вмешаться, но мужчины заговорили между собой, и ему очень захотелось послушать, в чем же дело.

— Ты все там забрал? Документы при ней? — спросил первый.

— Да, все, все забрал. У нее только чемодан и маленькая сумочка. Вещи она распаковать не успела, так и заснула в одежде.

— Эх, не переборщить бы! А ты хорошо смотрел? Велено ничего не оставлять, даже шпильки.

— Нет у нее шпилек, стриженная она, — у второго с чувством юмора было похуже, чем у первого.

— До тебя доходит как до жирафа. Лучше помоги мне ее тащить, ноги у нее за все цепляются, еще туфли потеряет.

Они разговаривали достаточно громко, Сундукову не приходилось напрягать свой слух. Действительно, чего стесняться? Лагерь практически пустовал, даже сторожа — и того не было. Игорь про себя отметил: отбить у этих типов Клюквину ничего не стоит. Вели парни себя неосторожно, ни за что не опасались, выглядели полными профанами, да и были намного мельче самого Сундукова.

Игорь незаметно обогнал троицу и затаился за углом здания, где они должны были вот-вот показаться.

«Мужика с чемоданом вырублю сразу. Второй пусть пока даму подержит, а то уронит — хлопот не оберешься, еще неустойку заставят платить за каждый синяк на ее драгоценном теле, а потом и с ним разберусь», — Сундуков уже занес для удара руку, но в этот момент на его голову опустилось что-то очень тяжелое, в глазах резко вспыхнул яркий свет, затем все погрузилось в темноту.

— Колян, ты его не замочил? Нам только лишнего трупа не хватало, — спросил первый. — Посмотри, он дышит?

— Дышит, дышит. Он давно за вами наблюдал, вы ведь, олухи, разорались на всю деревню. Что Петрович сказал? Тихо, без пыли, следов не оставлять, на глаза никому не

показываться, — отозвался Колян.

— Ладно, вырубили, и ладушки. Лучше стяни его с дороги.

— Погодь, дай пошарю в его карманах. — И Колян занялся чисткой карманов, но, кроме нескольких некрупных купюр, ничего из них не выудил. — Хорошо, оттащу его в сторонку, пусть полежит до утра, авось в себя придет. Чего мужик ввязался? Из отдыхающих, что ли? Если бы не Петрович, замочил бы, ей богу! Руками размахался, придурок! Знаешь, какой я нервный становлюсь, когда на меня руками машут?

— Много разговариваешь, тачку завел?

— Завел, да выключил. Долго ходите.

Они дошли до машины, спрятанной за забором, посадили женщину на заднее сиденье, бросили чемодан в багажник и уехали.

Сундуков медленно приходил в себя. Голова нестерпимо болела. В ушах стоял такой звон, что он едва слышал звук отъезжавшей машины.

«Как же я так? Вот идиот! Надо же так вляпаться!» — Игорь ругал себя на чем свет стоит. Обхватив голову руками, он с трудом поднялся, добежал до ворот лагеря, но успел разглядеть лишь габаритные огни быстро удалявшейся машины.

Сундукову было плохо: тошнило, в глазах прыгали мушки, каждый шаг отдавался в голове

мучительной болью.

«Что же теперь делать? Даже головой о стену не побьешься, смысла нет, и так разбита. — Игорь понимал, что сваял дурака и упустил клиентку. За такие вещи по голове не погладят, попрут из фирмы за милую душу. — Значит, нужно каким-то образом выходить из сложившейся ситуации. Благо машина под рукой, если поднажать, то можно еще догнать, только вот сумка с документами в комнате», — стараясь не обращать внимания на боль, Игорь помчался в корпус.

За столом, уткнувшись лицом в журнал, мирно спала знакомая горничная.

— Барышня, не спи! Сколько с меня за постой? — крикнул по пути Игорь.

Он забежал в номер, схватил сумку и вылетел обратно в коридор. Все эти действия у него заняли не больше одной минуты. Игорь подбежал к горничной, расстегнул портмоне, достал купюру и громко рявкнул ей в ухо:

— Соня, проспишь царство небесное! — Он потрепал горничную по плечу и попытался засунуть деньги ей под руку.

Ладонь безжизненно соскользнула со стола, тело девушки начало медленно сползать со стула. Игорь попробовал нащупать на шее пульс, толчки были редкие и слабые. Девушка была без сознания и признаков жизни не подавала. Рядом со столом

стояла табуретка с разложенной на ней закуской, тут же валялась опорожненная бутылка из-под вина и сигареты. Сундуков подхватил девушку на руки и перенес ее на диван. На сгибе локтя Игорь заметил запекшуюся каплю крови — след от инъекции.

«Не похоже, чтобы она была наркоманкой, след единичный. Значит, это ночные визитеры. Жива, и слава богу. Надеюсь, о ней позаботятся. Мне бы Клюквину не потерять. На все про все у меня несколько минут. До поворота километров десять, не больше, и дальше километров пять до развилки: одна ветвь ведет к трассе, другая к какому-то населенному пункту. Значит, мне нужно догнать их до этой самой развилки». — Игорь вылетел из корпуса и помчался к стоянке.

Как назло, перед машиной он уронил ключи, пришлось потратить драгоценные секунды на поиски. «Все к одному!»

Наконец он попал в машину и бросился в погоню.

«Реношка» только с виду казалась развалюхой, бежала она достаточно резво, и Сундуков вскоре заметил габаритные огни впереди идущей машины. На душе стало легче: «Теперь главное — не потерять их из виду и себя не обнаружить, а дальше действовать по обстоятельствам».

Глава 6

Мне показалось, что я спала целую вечность. Сон был тяжелым и вязким. Открыв глаза, я долго не могла понять, сплю я или уже нет. Тело меня не слушалось, руки и ноги казались ватными и чужими, ныла каждая мышца. Я с трудом попробовала пошевелить рукой, она пришла в движение только со второй попытки.

С головой творилось вообще что-то невероятное. Боль разрывала ее на мелкие кусочки. Я не могла сконцентрироваться ни на одной мысли, более того, я вдруг осознала, что их просто нет, этих самых мыслей. Что внутри? Пустота, ограниченная все той же нестерпимой болью.

Я полежала несколько минут с открытыми глазами, стало немного легче, пошевелила пальцами, согнула ноги в коленях, попыталась перевернуться на бок — больно, но возможно, — оглядела место моего пребывания. Пелена отступила, начали вырисовываться кое-какие предметы.

О страх господний! Вы когда-нибудь просыпались в чужой постели?

Я, в силу своих высоконравственных принципов, нет! Это не значит, что я не спала в гостях, в гостиницах или не ночевала у подруг

дома. Речь идет совсем о другом. Со мною не было случая, когда бы я не помнила, как и где укладывалась спать. На ум приходило только одно: я еще сплю, и это всего лишь сон. Но я отчетливо ощущала боль. Нет, во сне так болеть голова не может! Значит, мне это не снится. Меня охватила паника.

Я еще раз обвела вокруг себя взглядом. Комната, которая меня так испугала, была немаленькой и выглядела достаточно пристойно. Она была выдержана в спокойных светлых тонах: обои песочного цвета, мебель из натуральной ольхи, обивка, портьеры, все — в одной цветовой гамме. Ничто не раздражало мои глаза, казалось, и стены, и предметы были пропитаны каким-то внутренним теплом. Я капельку успокоилась и принялась рассматривать дальше.

Высокие окна были завешены легкими, прозрачными гардинами. Наверное, комната находилась на втором этаже, через стекло я могла видеть только зеленые ветки дерева.

На стенах висели акварели, неброские и прозрачные, они выглядели очень объемно. Я немного разбираюсь в живописи и знаю, чтобы достичь подобного эффекта, нужно обладать определенным мастерством. Акварель трудно подделать, следовательно, это подлинники. Даже не подозреваю, насколько знамениты авторы этих

пейзажей, но картинки удивительно подходили к интерьеру комнаты.

Я с трудом поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Сюрпризы поджидали меня на каждом шагу. Я или не я? Из зазеркалья на меня смотрело чужое лицо. Женщина выглядела несколько заspanной. У нее были отекшие веки, бледная кожа и взгляд, полный удивления. По большей части прическа объясняла этот дикий взгляд. Авангардная стрижка в стиле «месяц назад меня забрили в армию» и волосы цвета «малиновой зари»! Это могло сразить кого угодно. Осознав, что, кроме меня, перед зеркалом никого нет, я схватилась за голову. Женщина в зеркале сделала то же самое.

Ни душа, ни разум не принимали отражение в зеркале. Кто это? Я или не я? И если я, то почему такая? Почему так выгляжу? В моей голове была полная каша, кисель, туман, что угодно, только не мозги. Но это все мелочи — у меня напрочь отшибло память. Я НИЧЕГО не помнила: ни как меня зовут, ни сколько мне лет, откуда и как я сюда попала. Какие-то смутные обрывки из прошлого бродили в моей голове, но они так быстро исчезали, что я даже не успевала понять, о чем они. Единственно, в чем я была уверена: я не могу быть ТАКОЙ. Уж не знаю, откуда у меня взялась такая уверенность, но я чувствовала себя